

Из воспоминаний Бахтеевой (Новожиловой) Екатерины Ильиничны о боевых действиях 7-го Краснознаменного зенитно-пулеметного полка. 26 апреля 1970 г.

В апреле 1942 г. ЦК ВЛКСМ обратился с призывом: «Комсомольцы, на фронт!». На призыв горячо откликнулись комсомольцы Кузбасса. 27 мая 1942 года уходил эшелон молодых добровольцев – девушек и женщин, сформированный на Кузнецкой земле.

Среди них были и мои фронтовые подруги, с которыми прошел и мой фронтовой путь в 7-м Краснознаменном зенитно-пулеметном полку.

Мои подруги познали горечь и боль отступления из-под Купянска на Харьковщине, Валуйки, Алексеевку, где впервые пришлось близко встретиться с врагом, бить по самолетам противника.

4 июля 1942 года, вечером за городом Алексеевка были выброшены парашютисты, стороной прошли группами вражеские самолеты и несколько из них прошли над Алексеевкой. По самолетам вели огонь из пулеметов, самолеты быстро набрали высоту, улетая на восток.

В этом первом для нас бою участвовали: Нина Миронова, Полина Тулина, Катя Компаниец, Тася Карницкая (сейчас Голева), Вера Иванова из г. Кемерово [...], Клава Бороздун из Купянска Новосибирской области, Саша Аврова из Прокопьевска и другие девушки, которых сейчас уже не могу припомнить. Нас тогда было по одной девушке в расчете.

5 июля 1942 года, в воскресенье, была такая тишина, словно все вымерло, на станции было очень мало железнодорожных составов, я пошла за завтраком для расчета на кухню, там узнала, что мы должны срочно менять огневые позиции, выехать за город, и когда мы выезжали по верхней дороге, были хорошо видны в бинокль идущие в стороне танки и мотопехота – это в город входили фашисты.

За городом нас остановили бойцы заградотряда, спросили, что так поздно выехали из города, ведь за вами по пятам идет враг, захотели

попасть в лапы к немцу? «А теперь, - сказали они, - мы остаемся задержать врага». Один из них улыбнулся и сказал: «Бить будем насмерть! А ну, не тревожьте душу, валяйте, зенитчики!».

Были тогда нашими командирами младшие сержанты Мостовой, Пономаренко, ефрейтор Чурляев, сержанты Сила, Румянцев (в роте было девять зенитно-пулеметных расчетов), командир роты ст. лейтенант Пискарев, замполит-политрук Корнеев, командиры взводов лейтенанты Слащев, Морозов и старшина Ищенко. Старшиной роты был сержант Ефремов, остальных командиров припомнить не могу, пусть простят те, кого память за долгие годы не смогла сохранить.

Был получен приказ прикрывать отступающую кавалерийскую часть у села Матрена Гезовая, это в 12 км от г. Алексеевка.

Вскоре по прибытии нашего подразделения налетели фашистские самолеты, начался бой.

Все смешалось, вой и гул самолетов, разрывы бомб, стоны и крики раненых, ржание перепуганных лошадей, треск пулеметов и нещадно палящее зноем солнце. А со всех сторон шли звеньями вражеские самолеты. Бой был неравным (ведь нас было всего девять расчетов), зенитная артиллерия на марше огня не ведет, из пулеметов на высоте, да и на большой дистанции, не достанешь. Огонь вели с расчетом, так как у нас было мало патронов, а где и когда получим боеприпасы – неизвестно.

Но вот патроны кончились, и мы больше ничем не могли помочь. Кавалеристы на нас смотрели с надеждой. Вот и первый суровый бой, помните ли вы его, мои дорогие подруги – 5 июля 1942 года на окраине села у Матрены Гезовой!

А наш путь лежал пока на восток, к Дону. Под покровом ночи без света медленно шли наши машины, на другой день в небольшой березовой роще ждали машину с боеприпасами, под вечер получили патроны, быстро стали набивать патронами ленты, и на душе стало как-то легче.

Страшная картина отступления: идут солдаты и люди с узлами и детьми, горят подожженные созревающие поля хлеба, у села Ольховатка в степи вновь налетели самолеты, расстреливали людей из пулеметов, бомбили дорогу и степь, по которой шли люди.

Наши зенитчики вели огонь, один из стервятников - «Мессершмитт», удаляясь, пустил черный шлейф дыма, все обрадовались, что хоть одному разбойнику дали по его заслугам. Вели тогда огонь ефрейтор Чурляев, ефрейтор Медведев – наводчик и Николай, фамилии не могу вспомнить – это наводчик из расчета мл. сержанта Пономаренко.

По полю подбирали раненых на свои машины. У нас было 3 солдата тяжело ранены, которых мы должны были довести до эвакопункта в Ольховатскую школу.

Когда мы выехали из Ольховатки, с горы было видно, как на окраине села в разных концах загорелись несколько хат – это пришли фашисты.

8 июля 1942 года мы были в городе Богучар. Город этот, скорее, похож на большое, красивое, в вишневых садах село. В основном здесь были размещены воинские части, местных жителей было очень мало, видимо, все местное население эвакуировано за Дон, и те, кто нам встречался из горожан, были усталые, с печалью и тревогой в глазах, в основном были женщины и старики. Да и как было не тревожиться, ведь они понимали, что скоро придут немцы, и что будет с родным городом, что будет с ними?

К полудню налетели самолеты, их было мало, но дел гнусных натворили много, загорелись хаты, а в центре разрушили почти всю церковь, школу. Все эти * ужасные картины, смерть, плач, стоны раненых до глубины души волновали всех, кто это видел, и, в первую очередь, солдат. Ведь мы понимали хорошо, что должны за все эти злодеяния сурово наказать врага. [...]

* Далее зачеркнуто: печальные.

А еще мне запомнилась переправа на Дону в станице Казанской, по мосту шли люди, машины, тянули орудия артиллеристы. Была вроде бы установлена очередность переправы через Дон по мосту. Наша очередь была далеко, и мы расположились недалеко на крутом берегу Дона у переправы, но, видимо, был получен приказ, чтобы занять оборону на противоположном берегу, нас пропустили без очереди, и мы заняли оборону.

Это были дни тяжелого отступления и бессонные ночи, люди были усталыми, ничего не хотелось, кроме холодной воды. Мы стояли недалеко от Дона, как нам хотелось искупаться, снять всю усталость! Получили разрешение у командира взвода лейтенанта Морозова просто подойти и умыться у Дона. Это было блаженное чувство: прохладная, нежная, бодрящая вода моментально, как рукой сняла усталость, - но не успели мы закончить умывание, как налетели самолеты на переправу и мы втроем: Таня Борозенцева – повар, Лиза Борисова – связист и я, - бросились бежать к пулеметам, начала бить наша зенитная артиллерия, занявшая оборону тоже на берегу Дона. Когда мы прибежали к пулеметам, из которых вел огонь наводчик ефрейтор Медведев, дал он всего несколько коротких очередей, стрелять было нельзя, самолеты шли высоко, из пулеметов по ним не достанешь. Засыпали всю переправу бомбами. Да и не все ли равно им было, куда их сыпать, так как людей было очень много вокруг по всему полю, у моста и в станице Казанской.

Им удалось в одном месте разбомбить мост – на глазах взлетели на воздух и ушли под воду три машины с девочками, а сколько их погибло – никто не знает.

Саперы начали чинить мост, а люди, кто мог плавать, кинулись в Дон. Кто сказал, что Дон тихий и спокойный? Он тогда был словно в гневе, кружил в своих водоворотах обессиленных людей. Мост часа через два был готов, и вновь пошли по мосту машины, солдаты, гражданское население.

За время отступления наша часть как-то растворилась в общем потоке отступающих. Затем был дан приказ выехать из станции Казанской, на берегу остались одни солдаты из части заградотряда.

Так наш путь пролегал до Поворино – крупного железнодорожного узла, где мы стояли в железнодорожном парке, заставленном железнодорожными составами. В одну из ночей был сильный налет самолетов на железнодорожный парк, были сброшены осветительные бомбы, и все вокруг осветилось – словно взошло солнце. Бомбили с большой высоты, и по приближающемуся вою и гулу самолетов вели заградительный огонь, а кругом рвались бомбы.

В Поворино мы простояли всего несколько дней и выехали на станцию Панфилово Сталинградской области. Остановились на окраине станции, а два взвода нашей роты были направлены на оборону аэродрома.

1 августа 1942 года был сильный налет на станцию Панфилово, налетело 200 фашистских самолетов: «Мессершмиттов» и «Хенкелей», - разбомбили всю станцию. Наш взвод был переведен на аэродром, а на оборону станции были поставлены зенитчики другой части.

Из Панфилова мы выехали вместе с аэродромом, ехали через Михайловку до станции Раковка (или Раково. Не помню). Это была последняя железнодорожная станция – дальше пути не было. Наше подразделение стояло на обороне аэродрома. Днем и ночью следили «за воздухом», смотрели вслед нашим истребителям, которые улетали на прикрытие наших бомбардировщиков, штурмовиков, да и сами они часто навязывали бой фашистам.

Самолеты так близко подруливали к нашим установкам, что казалось, вот-вот столкнут их. Летчики были такие простые парни, они часто рассказывали о проведенных боях в воздухе – ведь у нас были одинаковые визирные прицелы. Иногда смеялись вместе над своими промахами.

В октябре месяце ночи стали темными и холодными, а кругом выжженные поля и пылающее заревом небо. Земля стонала – шли бои под Клецкой.

Запомнился мне на всю жизнь наш простой концерт 7 ноября 1942 года. Такого чувства, какое испытывала при исполнении песен Катюшей Белокуровой (теперь Овчинниковой). Она пела русскую народную песню. Казалось, что в поле звенит колокольчик и скачет русская тройка с одиноким опечаленным ямщиком, разлученным с любимой навсегда. А Катя Компаниец читала стихи о сталеваре Иване Гаруне, у которого сын летчик Иван Гарун погиб в воздушном бою, и как девушка-учительница пришла к его матери, не стесняясь своей любви, кинулась в объятия матери любимого, и как две русские женщины, крепко прижавшись, поняли друг друга – их объединило горе. Отец успокаивал по-мужски женщин, обещая, что придет время, и он зальет горло немцам раскаленным металлом. А Катя Щекина лихо, заразительно отплясывала «Калинку». В заключение концерта была экскурсия. Замполит Иван Иванович Денисов, уроженец Ленинграда, сказал: «Я командир и приказываю всем закрыть глаза. Вот и хорошо. Представьте, мы идем по Невскому. Вам нравится, и это красиво. Вам хочется на Мойку? Пойдемте, поклонимся дому, где жил Пушкин. А меня тянет в Петропавловскую крепость. Сколько там загублено светлых жизней! Там почти вся семья Ульяновых перебыла. Я любил всегда бывать в Царском Селе. А теперь представьте, что война кончилась, и я уже пожилой, и у меня внучата, и идут четыре строгие Катюши на высоких каблуках, такие важные. Это Катя Щекина – она врач, а Катя Компаниец обязательно оперная певица, а Катя Белокурова – железнодорожница, а Катя Новожилова, не удивляйтесь, - поэт. Первой здороваюсь с Катей Белокуровой, как с самой старшей, и благодарю ее за то, что она привезла девочек в Ленинград». Сколько бы длилось наше путешествие-мечта, никто не знает, если бы не команда «воздух»!

[...] Наша рота так далеко находилась от части, что к нам редко приезжали старшие командиры. 7 ноября был начальник штаба Шишкин, была короткая боевая информация, из которой узнали, что за время отступления нашей части зенитчики сбили 19 самолетов противника. Вели огонь по пехоте противника. Одна из рот участвовала в боях под Россошью.

19 ноября 1942 года аэродром был переведен в другое место, а мы выехали по направлению к Ново-Анненкову. Видимо, там укрупнился аэродром, так как здесь уже стояла одна из рот нашей части другого батальона.

В один из зимних дней капитан Рожкова, знавшая ранее о прилете Жукова, Рокоссовского, рассказала о них, но говорить с ними нам не пришлось, видели их только издали. Долго смотрели вслед улетающему самолету и в душе желали спокойной дороги.

При переезде из Ново-Анненкова в Лиски наш расчет был оставлен на обороне КП части. На всю жизнь запомнилось мое второе рождение. Это было в марте 1943 года. Мы только что подъехали к штабу полка, не успели еще открыть огневых позиций, как из-за дома вылетел на бреющем полете «Мессершмитт-110», по которому мы успели открыть огонь в хвост. Вышел комиссар полка майор Грибенюк, указал нам место, где будут огневые позиции. На дворе в это время уже потемнело, мы в душе поругали придирчивого комиссара, но приказ есть приказ, и мы отъехали на указанное место. Еще не был заглушен мотор машины, как тот же «мессер» на бреющем полете сбросил бомбу в то место, где только что стоял наш расчет. От взрыва в штабном здании высыпались все стекла в окнах, взрывной волной отбросило людей от здания.

К тому времени наш расчет был полностью женским. Как в душе мы благодарили придирчивого комиссара! И потом через всю мою жизнь комиссар Грибенюк пройдет красной нитью, звали мы его вездесущим комиссаром. В нем сочеталась и строгость командира и добрая душа отца,

справедливого учителя и наставника. Был он просто нашей душой. Все знали, что где-то далеко, на Полтавщине, остались у него престарелые родители и 3-летний сын. Умел он шутить, поддержать в нужную минуту человека, глубоко скрывал свое горе.

Мы жили в то время со штабными девчатами – связистками-телефонистками полка. Во время налета они уходили в укрытие, а мы вели огонь по самолетам. Чувствовалась с их стороны забота, они старались нас опекать, казались старше нас, хотя были наши ровесницы. Особенно запомнились Леля Самец, Катя Васюкова, Катя Медведева, Машенька Морозова, Зина Красовская, Вера Гребенникова, Аня Павленко, Таня Сущевская, Аня Щеглова и другие.

Вспоминается мне такой случай: под Ново-Хоперском КП части находился на высокой и крутой горе, по склону которой рос сосновый бор. Под горой проходила железная дорога. Снег, метель кругом, а дверь в нашей землянке закрывалась с одной стороны одеялом, а с другой – плащпалаткой. Сами валили сосны и разделявали их на дрова для топки. На гору тянули из последних сил. И вот один раз, когда уже казалось, что сосна на месте, осталось только чуть-чуть, она оборвалась и покатила под гору. Сержант-связист Аня Павленко сказала, что уже ночь, пилить ничего не видно, засмеялась заразительным смехом и сказала: «Сегодня будем спать с любовью. Слышите ли вы нас, наши потомки! Здесь стояли зенитчики девчонки из 7-го полка. Вы будете объясняться в любви у этих сосен, а мы благодарны им (соснам) за их тепло, что они дают нам. Мы тоже все любим, но молчим. Скажем, как будет живыми. И кто придумал, что парень должен первым объясняться?».

Мы разрешили Ане первой объясниться парню, которого полюбит.

Все думают, что на войне думают о войне. На самом деле думают о том, что подсказывает война.

В марте 1943 года был сильный налет на железнодорожный мост в Лисках, он был понтонный. При этом налете была убита Таня Жинкова из

Прокопьевска, легко ранена Катя Щукина, убит шофер Алексей Попков с Урала. Похоронили их в одной могиле. Таня лежала, прикрыв глаза, ее белокурые *волнистые** волосы спадали на лоб. Казалось, она спит спокойным сном, ни о чем больше не думая.

Накрыли их плащ-палаткой, холм вырос без лопаты, землю бросали руками молча. У многих были глаза влажными от слез. Здесь же была и Катя Щукина с перебинтованной ногой. Прощальную речь сказала она: «Далеко ты, Танюша, приехала, чтобы остаться в Донской степи. Как из песни казачка из пулемета строча. Поверь нашей совести и слову – мы отомстим за тебя, это так и будет. Спи спокойно!».

В июле месяце фашистов выбили из Воронежа. Красивый старинный город был весь разрушен – Родина поэтов Кольцова и Никитина. От Воронежа пришел и наш час идти вперед.

Фашисты также быстро отступали, как и наступали. Наш путь пролег к Курску. Недалеко от Курска, у одного села за рекой (название не припомню), сошлись две силы, поле все усеяно подбитыми танками, самоходными орудиями и просто орудиями. Все вокруг обгорело. Не знаю, почему, но мы назвали это место «мертвым полем». Не помню точно, 3 или 5 августа на Курск налетело 500 самолетов, и от Курска остались одни руины и камни.

Наши машины прошли окраинами Курска, по центру невозможно было проехать - все было завалено. Наш путь лежал на запад, на Конотоп, Бахмач, Нежин. Не помню, кто-то из девчат сказал: «Вот было бы время сходить в Нежинский университет, посмотреть, где учился великий Гоголь». Да времени так и не нашлось, хотя мы стояли в Нежине в железнодорожном парке. Здесь впервые зенитчики нашего полка сбили свой самолет. Погода была пасмурная, облачность низкая, моросил мелкий дождь. Самолет возвращался с боевого задания. Мотор был поврежден, и звук исходил из него непохожий на наш самолет. На первые очереди

* *Вписано над строкой чернилами.*

пулеметов самолет не ответил сигналами: «Я свой». Тогда открыли перекрестный огонь со всех сторон, и самолет был сбит. Двое пилотов были убиты сразу, а один еще был жив, который позже сказал: «Мы такое задание выполнили, прошли через такой огневой заслон, а свои сбили!». Так получилось, что сбили своего, было очень жаль, но что поделаешь, если все уже совершено.

Охраняемый железнодорожный парк был очень насыщен зенитными средствами. Чтобы подойти к нему, нужно было обладать большим опытом и умением пилота. Однако, в один из октябрьских вечеров, когда был туман, фашистский самолет подошел с подветренной стороны так, что звука не было слышно, спланировал над железнодорожными составами, на бреющем полете сбросил большую бомбу, которая попала в состав цистерн с горючим. Цистерны начали рваться, пламя охватило другие железнодорожные составы, начали рваться боеприпасы в вагонах. Здесь же был и эшелон с ранеными. В расчете было оставлено столько человек, чтобы могли вести огонь, а остальных отправили на борьбу с огнем, на помощь раненым.

Моим подругам и мне пришлось выносить раненых – это были Катя Белокурова, Мария Ершова, Наташа Кшуманева, Таня Печенина, Валя Миронова и другие.

В одном вагоне были тяжело раненые пожилой хирург и молоденькая девушка-военфельдшер, которая просила спасти хирурга: «Вынесите его, он так нужен людям. Это чудесный доктор, а я этого ничего не могу». А хирург просил спасти молоденькую девушку: «Я свое отжил, а она-то что видела, только страх. Так уж выполняйте мой приказ, я старше ее по званию». Положив на плащ-палатку, мы начали выносить их обоих. Нести было трудно ползком под вагонами. Проползли мы несколько железнодорожных путей, хирург остановил нас, сказал, что он все равно умирает. Так в ту ночь не стало военврача и молоденькой девушки-военфельдшера.

Почти всю ночь горели составы, рвались снаряды, а на рассвете на машинах увозили в братские могилы всех погибших за ночь.

Когда все закончилось, то мы увидели, что с нами был наш полковой комиссар Грибенюк. Он был усталый, измазан мазутом, весь прокопчен, но все равно подтянут, аккуратен. Побывал в каждом расчете, не ругал, что пропустили самолет, а просто разъяснял последствия этого случая.

[...] Помню, по дороге на Киев был короткий привал. Замполит капитан Ионов коротко ознакомил нас с положением на фронтах и на нашем участке. Газеты мы получали с опозданием, а знать все хотелось. На этом привале принимали в партию Валью Миронову и других девушек. Валя очень волновалась: «А вдруг я что-нибудь не отвечу?!». Но ответила Валя все хорошо. А главное, как наводчик, она всегда держала пулеметы готовыми к бою. Знала и я, что меня скоро должны были принимать в Коммунистическую партию.

Недалеко от Киева, по дороге на Киев, мы заехали в село Вельшаны или Вельшанка. Села-то по существу не было, а были руины, да торчащие вверх печные трубы.

У въезда в село, у дороги, под могучим дубом лежали с петлями на шее истерзанные фашистами трое мужчин, две женщины, старушка и мальчик 10-12 лет. А рядом на дубе висела наскоро написанная на фанере табличка: «Воин, видел? Отомсти за них врагу!». Каждый из нас в сердце для себя клялся отомстить и добить фашистов на их проклятой земле. Солдаты из другой части рыли могилы для захоронения повешенных, а мы поехали дальше на Киев.

Вечером с 5 ноября 1943 года на 6 ноября мы приехали в Дарницу – пригород Киева. Моросил мелкий осенний дождь. Все расчеты были наготове. А где-то вдалеке доносились глухие выстрелы артиллерии.

Утром, в предрассветном тумане, выступили силуэты великого города Киева, расположенного на высоком берегу Днепра. Командиры рот получили приказ о направлении подразделений по огневым позициям. Наш

взвод срочно выехал на оборону понтонного моста через реку Десну, и 6 ноября под вечер мы были уже на Десне.

Установили свои установки и наскоро рыли землянки. А по мосту все шли и шли наши танки и артиллеристы. Приветливо махали нам руками, указывая путь на запад.

С наступлением темноты прилетели три «Мессершмитта». С высоты обстреляли мост, а спуститься на бреющий полет, видно, не хватило смелости. С правого берега Десны вели огонь по самолетам наши зенитчики. Стреляла Катя Белорукова – наводчик. И одному из «мессеров», видно, хорошо досталось, он накренился и стал удаляться.

9 ноября 1943 года наш взвод вернулся в Киев и занял огневую позицию около разрушенного железнодорожного моста через реку Днепр. Саперы сооружали временный понтонный мост, по которому медленно пошли эшелоны на фронт и с фронта.

Почти вся наша часть заняла оборону железнодорожного моста, и как мы называли «деревянный мост» - это для автотранспорта и пешеходов. Как тот, так и другой мосты строили саперы. Днем и ночью бдительно несли свою службу зенитчики, следили за «воздухом». Каждый день нас навещали фашистские самолеты, и всякий раз они сталкивались с огнем зенитчиков. И не один из них нашел смерть в нашем небе.

[...] В моей памяти встает никогда незабываемая картина апрельских боев 1944 года на обороне железнодорожного моста через Днепр.

Фашисты, видимо, поставили задачу: во что бы то ни стало разбомбить железнодорожный мост через Днепр. В то время железнодорожный мост был важным стратегическим объектом. Через мост шли днем и ночью эшелоны на 1-й и 2-й Украинские фронты. С 4 по 10 апреля налеты стервятников начинались с наступлением темноты, а стихал гул их моторов на рассвете. Целыми ночами зенитчики вели заградительный огонь, казалось, вся земля около моста дышит огнем, не допуская самолеты к цели.

В эти дни, выполняя свои боевые задачи, погибли от вражеской бомбы Паша Проскурина, Гнездилова и Кокотова – сибирячки.

За выполнение боевых заданий по обороне железнодорожного моста было очень много девушек награждено орденами и медалями.

Помню, вручал нам правительственную награду наш командир части подполковник Чистяков С. И. А было это в мае 1944 г. Все награжденные были построены, и каждый из называемых выходил, четко чеканя шаг, из строя и получал награду.

Первой получила орден Красной Звезды Катя Компаниец – старший сержант, командир расчета. За ней тоже старший сержант, командир расчета Филимонов. Медалью «За Отвагу» награждена Маша Базыкина – сержант, командир расчета. Медалью «За боевые заслуги» награждены сержант, командир расчета Катя Щекина, я и другие.

После вручения награды подполковник пригласил на обед. Время как раз было обеденное. За обедом выпили по 100 гр. фронтовых, и началась простая душевная беседа. Подполковник все шутил и говорил: «Смотрите, какие у нас девчата! Просто, одним словом сказать, храбрые и смелые, хорошие вы мои!». И то ли от его большого доверия к нам и уважения или теплых, отцовских слов, а может от выпитого, у многих повлажнели глаза, а он, как будто ничего и нет. Говорит: «Думаете. не знаю, что устали и трудно вам, ох, как трудно! Вот кончится война, и я всем буду рассказывать о вас, моих солдатах-девчатах. И чего вы только ни делаете: стреляете по самолетам, роете огневые позиции и землянки, печники, портнихи, поварихи. Не сердитесь, что я так говорю, что во всем вы хороши. И как знать, может, еще не у одной погуляем на свадьбе. А пока еще идет война и нужно воевать». [...]

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 370, л. 1-12. Подлинник. Машинопись.